

демита происходит своеобразная персонификация образов и ситуаций, семантически более нейтральных (не связанных непосредственно с феноменом театрального и инструментального амплуа).

Общность драматургических и композиционных принципов в различных жанрах творчества Пауля

Хиндемита позволяет говорить о сущностном единстве музыкального мышления композитора. При анализе образной основы и процесса формообразования инструментальных сонат выявляется специфически театральный модус композиторского мышления Хиндемита.

Список литературы

1. Аксенов В., Бебутов А., Мейерхольд В. Амплуа актера. М.: Изд. высш. реж. курсов, 1922. 16 с.
2. История зарубежного театра: В 4 ч. Ч. 1. Театр западной Европы от античности до Просвещения / Под ред. Г. Н. Бояджиева, А. Г. Образцовой. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Просвещение, 1981. 336 с.
3. Кириллина Л. Классический стиль в музыке XVIII — начала XIX века: В 3 ч. Ч. III: Поэтика и стилистика. М.: Издательский дом «Композитор», 2007. 376 с.
4. Конен В. Театр и симфония: Роль оперы в формировании классической симфонии. 2-е изд. М.: Музыка, 1975. 291 с.
5. Курышева Т. Театральность и музыка. М.: Советский композитор, 1984. 200 с.
6. Левая Т., Леонтьева О. Пауль Хиндемит. Жизнь и творчество. М.: Музыка, 1974. 448 с.
7. Пави П. Словарь театра. М.: Прогресс, 1991. 504 с.
8. Чигарева Е. Оперы Моцарта в контексте культуры его времени: Художественная индивидуальность. Семантика. М.: URSS, 2015. 280 с.

Vesna PENO Serbian Church singing in the context of singing tradition in the Balkans

A translation from the Serbian language of an article by a well-known Serbian musicologist DSc, PhD Vesna Sara Peno, dedicated to the history of Serbian church chanting from the 12th century to the present day. The content of this article was used in a webinar held at the St. Petersburg Conservatory in the framework of the Second All-Russian theoretical and practical conference of young specialists *Musical medieval studies in the XXI century* on April 27, 2018. Translation was made by the PhD, Associate Professor at the Department of the Old Russian Art of Singing of the St. Petersburg State Conservatory Natalia Mosyagina.
Keywords: V. Peno, Serbian church chant, Byzantine tradition, neumes notation, holy dynasty of the Nemanjić, Hilandar, Sremski Karlovci, K. Stanković, S. Mokranjac.

Весна ПЕНО Сербское церковное пение в контексте певческой традиции на Балканах

Статья известного сербского музыковеда, доктора исторических наук Весны Сары Пено, посвященная истории сербского церковного пения с XII века и до наших дней. Материалы статьи были использованы в вебинаре, состоявшемся в Санкт-Петербургской консерватории в рамках II Всероссийской научно-практической конференции молодых специалистов «Музыкальная медиевистика в XXI веке» 27 апреля 2018 года. Перевод с сербского языка выполнен кандидатом искусствоведения, доцентом кафедры древнерусского певческого искусства Санкт-Петербургской консерватории Натальей Викторовной Мосягиной.
Ключевые слова: В. Пено, сербское церковное пение, византийская традиция, невменная нотация, святородная династия Неманичей, Хиландар, Сремски Карловцы, К. Станкович, С. Мокраняц.

Весна Сара Пено родилась 18 декабря 1968 года в Белграде. Окончила филологический факультет Белградского университета по кафедре Музыковедения и кафедре Сербской литературы и языка и аспирантуру в Академии искусств в Новом Саде; имеет также

певческое образование. В период с 1994 по 1996 и с 2001 по 2007 год изучала невменную византийскую и поздневизантийскую палеографию, теорию и исполнительскую практику церковного пения в Афинах, Салониках и Копенгагене. С 1999 года работает в Музыковедческом институте Сербской Академии Наук и Искусств. В 2008 году защитила докторскую диссертацию на кафедре отечественной истории средневековья Философского факультета в Белграде. С 2010 года — преподаватель истории музыки в Академии изобразительных искусств в Белграде. Постоянный участник международных научных конференций, как у себя на родине, так и за рубежом, член международного общества православной церковной музыки, американского общества византийской музыки и гимнологии, а также музыковедческой организации по изучению древней музыки *Cantus Planus*. Весна Сара является основателем и руководителем женского хора «Святая Кассиана». С 2011 года — редактор журнала «Музыкология» (Белград).

Сербское государство и его культура, укорененные в христианской цивилизации византийского круга, в течение всех средних веков, в период засилья турок, а также и в новейшей истории разделяли судьбу остальных балканских народов. Направление, в котором развивалась Сербия, задали просветители южных славян святые братья Кирилл и Мефодий, а затем и все сербские правители из святородной династии Неманичей — прежде всего святой Савва, первый сербский архиепископ¹, и святой Симеон Мироточивый, отец святого Саввы².

Благоустривая богослужебную жизнь в крупнейших сербских монашеских центрах — в монастыре Студеница в Сербии (основан в 1190 году) и в монастыре Хиландар на Святой Горе (основан в 1198 году), в соответствии с типиконом знаменитого тогда монастыря Богоматери Евергетидской в Константинополе, святой Савва с самого начала поставил перед сербскими монахами и священнослужителями высочайшие критерии духовного совершенствования. Заботясь об устройении церкви, он вместе с тем поддерживал и церковные искусства во Славу Божию и его святых.

То, что первый сербский архиепископ заботился о благолепии певческой составляющей богослужения, подтверждает и сам выбор Евергетидского типика, в котором искусству звука уделено большое внимание, а также отдельные дополнительные разделы в Хиландарском типиконе, которые касаются функции еклисиарха, отвечавшего, помимо прочего, и за клирос. Несомненно, что сербские певчие изначально приспособляли византийские мелодии к сербскому языку, но не исключено, что они могли пользоваться и русскими певческими

книгами, которые представляли собой своеобразный славянский вклад в единую византийскую музыкальную традицию. В библиотеке монастыря Хиландар сейчас хранятся две древние певческие рукописи, Стихирарь № 307 и Ирмологий № 308, написанные русским изводом и нотированные знаменами (невмами), которые были созданы на основе ранней формы палеовизантийского нотного письма, а также старейшая датированная греческая рукопись — пергаменная Минея с частично нотированными песнопениями, завершенная писцом Мануилом в 1277 году.

Все предания о славословии и пении, которые слышал на Святой Горе, святой Савва утвердил в сербской лавре на Афоне, а затем перенес в церкви и монастыри в своем отечестве. Святогорские монахи хотя и пели на разных языках, так как были представителями различных народов, в этот период, несомненно, исполняли песнопения на мелодии единой византийской псалмодии, которая и сейчас, несмотря на то, что звучит на разных языках, представляет собой часть единого православного церковного преданья.

Факт отсутствия древнейших источников — нотированных сербских певческих сборников — оправданно наводит нас на предположение, что сербы с трудом осваивали сложные семиографические правила нотации, и в этом отношении они были менее образованными по сравнению с греческими мастеропевцами. Из многовековой средневековой истории до нас дошли только три имени «музыкостовнейших» сербов: Исая, кир (господин) Стефан и Никола, которые в рукописях, как правило, сопровождаются определением «серб».

¹ Святой Савва Сербский (1169–1237) — первый архиепископ Сербской Православной Церкви, законодатель и устроитель независимого государства, просветитель и учитель Сербского народа. Был младшим сыном великого князя Стефана Немани и Анны Неманич, его светское имя было Растко. В семнадцатилетнем возрасте, встретив русского инока со Святой Горы Афон, он тайно оставил отчий дом и прибыл в русский Афонский Пантелеимонов монастырь и стал там монахом, получив монашеское имя Савва. Позднее вдвоем с отцом (в монашестве — Симеоном) воссоздал монастырь Хиландар на Афоне. После смерти отца Святой Савва вел аскетический образ жизни, оставался на Афоне до конца 1207 года. В память об отце им написано «Житие Святого Симеона». Мать Саввы Анна также приняла монашеский постриг в 1196 году под именем Анастасии, скончалась в 1200, канонизирована как преподобная Анастасия Сербская.

² Преподобный Симеон Мироточивый (1114–1200) — царь Сербский, в миру был великим жупаном (князем) Сербии, носил имя Стефан Неманя. Князь много потрудился для своего отечества: объединил большую часть сербских земель и добился для страны политической независимости. Он ревностно защищал свой народ от влияния латинства и от ересей. В возрасте 80 лет Стефан удалился на Афон, где принял монашеский постриг с именем Симеон. Скончался преподобный 13 февраля 1200 года. Мощи его стали источать миро, поэтому святого стали называть Мироточивый. Преподобный Савва перенес останки отца своего на родину, в Сербию, и положил в церкви Пресвятой Богородицы на реке Студенице, где они находятся и сейчас.

Сербский монастырь Хиландар,
Святая гора Афон (Греция)

Фреска святителя Саввы Сербского. Монастырь
Студеница (Сербия). 1315 год

Своими именами они подписывали песнопения, вероятнее всего исполнявшиеся в двуязычной греко-сербской среде, возможно, как раз на Афоне, где была принята практика общих богослужений.

В политической и общественной жизни Сербии того периода и на ниве культуры в течение десятилетий до падения Византии большую роль играли греческие архонты³, монахи, а также многочисленные знаменитые мастера из Константинополя и других краев Восточной империи. Достоверно известно, что в сербских богослужениях принимал участие Йован, в монашестве Иоаким, который в ремарках к отдельным песнопениям в невменных рукописях упоминается как брат Харсианитского монастыря и domestik Сербии, а также самый известный поздневизантийский музыкант Мануил Дукас Хрисафис.

Период с 1453 до 1580 года в музыковедческой литературе обозначен как время затишья в музыкально-певческой культуре Балкан. Он отмечен лишь нестабильной деятельностью переписчиков. В скрипториях в границах Византийского царства и за его пределами нотированные сборники переписывались в значительно меньшем объеме. В них мы не находим новых песнопений и новых распевов, художественное оформление их также было весьма скромным. До конца XVI века на музыкальной сцене не появилось ни одного впечатляющего распевщика, писца или музыковеда-учителя, и только редкий скрипторий, подобно тому, что находился в монастыре Путна, или такая певческая школа как критская имели влияние за пределами своих территорий.

Ни в многочисленных афонских и других монастырских библиотеках, ни в различных иностранных руко-

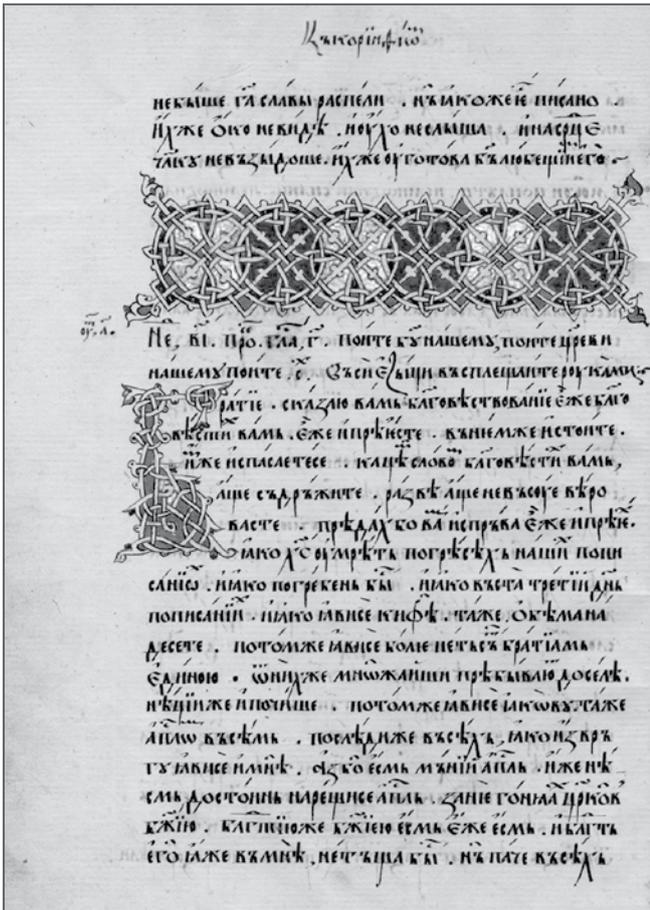
писных фондах не сохранилось ни одного нотированного кодекса, относящегося к этому периоду. Насколько изменившаяся политическая и общественная ситуация повлияла на певческое искусство и рукописную традицию говорит и тот факт, что стагнация затронула даже такие монашеские общины, чье церковно-певческое искусство было широко известно.

Определенный сдвиг в композиторском творчестве, а также в деятельности переписчиков произошел в восьмидесятых годах XVII века, когда появились песнопения в так называемом калофоническом стиле, созданные константинопольским патриархом Теофанисом Карикисом, Иосафом, известным под именем Новый Кукузель, и Арсением Ватопедским.

Подъем церковной музыки начался во второй половине XVII века, особенно в период с 1650 по 1720 год. Изучение певческого искусства в этот период стало более основательным: вновь возник интерес к традиционным музыкальным формам и стилям, при этом появились и новые интерпретации. Период, о котором идет речь, был отмечен особо богатыми и чрезмерно усложненными формами записи мелодий.

О взлетах и падениях поствизантийского церковного пения в сербской среде времен Деспотовины (конец XV — начало XVII века) сербские источники умалчивают. Последствия опустошений и разорений, неизменно сопровождавших турецкие завоевательные походы, ярче всего проявились в области богослужбной литературы. Церкви остались пустыми, без богослужбных книг, которые «агарянские чада» разграбили и уничтожили. Для того чтобы возместить отсутствие основных книг, без которых невозможно было совершать

³ В греческих городах — высшее должностное лицо, аналогичное современному губернатору. В Византийской империи архонты — высокопоставленные вельможи, военные командиры, богатые люди.

Апостол. 1660 год. Сербская рукопись из собрания Российской национальной библиотеки. РНБ, F.I.612, 2 об.

богослужения, требовалось возродить деятельность переписчиков в духе средневековой традиции.

Едва ли в те времена существовал какой-либо более или менее значительный монастырь без скриптория. Многие монахи критически отбирали источники, редактировали и кодифицировали тексты, и таким образом обновили рукописную традицию. Их оправданно называют представителями особого направления или школы в развитии сербской церковной книжности позднего средневековья.

Услуги писца, за плату и по приглашению, предоставляли также и путешествующие писцы, мирские и священники, нередко сообщавшие в рукописях довольно обширные сведения о себе и своем времени. Однако среди известных писцов после иеромонаха Геннадия — составителя сербской службы и проложного жития святому Петру Афонскому, о котором известно, что в 70-х годах XV века он был доместиком, — в последующие столетия ни один не связан непосредственно с церковным пением.

В сербских рукописных фондах, включая монастырь Хиландар и Музей Сербской церкви в Сентандре (Венгрия), нет ни одного нотированного певческого сборника XVI–XVII веков, за исключением Стихиаря E-10 из монастыря Великая Лавра на Афоне, написанного старославянским языком с элементами русского церковнославянского и нотированного поздневизантийской нотацией.

Нет сведений о том, какова была певческая практика, кто были певчие, были ли учителя, греки они были или сербы. Не сохранилось даже следов информации о том, какие использовались распевы и были ли варианты распевов.

Музыкальная безграмотность стала постоянной составляющей сербской церковно-певческой традиции, что повлияло не только на мелодические особенности нового пения, но и стало причиной многих проблем, которые очевидны в современной богослужбной практике.

В тяжелый период туркокрации, при постоянных преследованиях, приведших в конце XVII и в первой половине XVIII века к массовой миграции сербов на север к границам Габсбургской империи (за реки Сава и Дунай), не было условий для какого-либо культурного и духовного роста. Один из показателей трагической ситуации — общая неграмотность сербских священников и монахов⁴. Только редкие люди могли осуществлять богослужение на основе книг, предусмотренных типиком. Церковные мелодии учились исключительно на слух. Об этом свидетельствуют и рукописные сборники, которые певчие создавали для того, чтобы собрать в одно место тексты необходимых гимнов для утренних и вечерних молитв и Литургии. Однако все они были без нотных символов⁵.

Известно, что богослужения в Сербской церкви проходили и в скорбные времена (при турецком засилии), и, несомненно, церковное пение звучало. Но единственным источником опосредованной информации о пении служат ненотированные сборники богослужбных гимнов, которые певчие писали и использовали в практике.

После великого переселения сербов из Косова и Метохии в 1690 и 1737 годах территории к северу от рек Савы и Дуная населяли многочисленные переселенцы других балканских народов, прежде всего греки и цинцары⁶. В многочисленных городах тогдашней Австрии существовали их крепкие общины и, естественно, что с единоверным сербским народом у них были близкие связи. Общими нередко были и церкви, в которых они служили и соответственно делили певческое пространство. Поэтому в ненотированных певческих сборниках, датированных началом XVII века,

⁴ Подробнее см.: [1].

⁵ О застое в рукописной традиции говорит и небольшое количество сохранившихся рукописей в монастырских библиотеках в Косово, в древней сербской родине. Подробнее см.: [2; 21].

⁶ Цинцары — румынское племя, живущее в Македонии и в других областях южной части Балканского полуострова.

а особенно в сборниках XVIII века постоянно встречаются двуязычные записи гимнографических текстов на греческом и церковнославянском языках. Чаще всего представлены транслитерированные греческие тексты Трисвятой песни, Херувимской, Евхаристического канона, похвальной песни Богородице «Достойно есть», частного стиха из Литургии св. Василия Великого, кондака «Взбранной воеводе», тропарей и кондаков великих праздников.

Наличие греческих текстов в сербских нотированных сборниках еще точнее может указывать на ту роль, которую в певческой практике начала XVIII века среди сербов — и в порабощенном отечестве, и в Габсбургской монархии — играли именно греческие учителя. Первые организованные мероприятия по музыкальному образованию сербских певчих предпринял митрополит Моисей Петрович (1677–1730), организовавший в Белграде школу церковной музыки. В ней поствизантийской традиции и поздневизантийскому невменному письму обучали сербских учеников знаменитые Герасим, Никола Логиятат, родом из Солуна, и Константин, священник из Константинополя. В этой же школе в 40-х годах того же столетия пение преподавал ватопедский иеромонах Анатолий, прибывший из своего монастыря с двумя помощниками по просьбе митрополита Викентия Йовановича (1689–1737). Согласно договору, Анатолий должен был обучать своих учеников не только чтению невменной нотации, но и записи мелодий со слуха, что подразумевало намного более высокий уровень певческого мастерства и грамотности. При этом следует учитывать, что семиографические правила были очень трудные, так как в то время запись была еще усложнена хейрономическими знаками и сложными формулами.

Использование греческого языка и напевов, авторами которых были поствизантийские мастеропевцы, за богослужениями сербской церкви на территории Карловацкой митрополии, а также в южных сербских епархиях, особенно после упразднения в 1766 году Печской патриархии, поддерживали и многие другие греческие певчие — монахи и миряне, — как и сами сербские епископы⁷.

Известно, что с приходом владык-фанариотов⁸ на сербские церковные кафедры в 1766 году в сербской церкви утвердилась практика двуязычного богослужения. Пение на греческом языке, прежде всего песнопений Литургии, сохранялось до 80-х годов XIX века в краях, находившихся под юрисдикцией Константинопольской

патриархии. Подтверждением того, что сербские певчие, особенно кафедральных храмов, знали тексты упомянутых служб как на греческом, так и на церковнославянском языках, могут служить многочисленные невменные кодексы, а также упомянутые нотированные Стихологии. Также с уверенностью можно сказать, что отдельные иереи и монахи, знатоки греческого языка, владели и использовали греческие богослужебные книги, среди которых были и нотированные.

Руководствуясь пониманием того, что музыкальная грамотность будущих сербских клириков очень важна, будимский епископ греческого происхождения Дионисий Попович для нужд сербских семинарий печатает Осмогласник с невменной нотацией⁹. И хотя сербские архиереи не отвергли априори инициативу Поповича, материально они проект не поддержали, таким образом, печатное невменное издание этого основного сборника для богослужения сербские певчие так и не получили.

От греческих дидаскалов певческое мастерство, возможно, и со знанием невменной нотации, приобрели первые сербские учителя пения в основанной в 1794 году семинарии в Сремских Карловцах: архимандрит Дмитрий Крестич (1762–1843), Дионисий Чупич (1775–1843/5?) и Ерофей Мутибарич (1799–1858)¹⁰. В историографических заметках церковных изданий они называются создателями нового вида пения, так называемого *сербского народного пения*, известного еще и как *карловацкое*, которое, судя по отсутствию нотных записей, передавалось в устной форме¹¹.

Русские учителя, работавшие в так называемых латинских школах в Карловацкой митрополии, вероятно, вместе с необходимыми учебниками для семинарии использовали литературу для других предметов, а также книги для пения¹². Однако и они не особо повлияли на грамотность сербских певчих. Посредством московских и киевских учителей сербы впервые познакомились с паралитургическим репертуаром — народными духовными песнями, так называемыми кантами¹³. Возможность приобщиться к европейской художественной музыке могла дополнительно мотивировать певчих изменить отношение к нотному тексту.

Основным же стимулом к тому, чтобы церковные мелодии стали записываться и чтобы певчие обучились пению по нотированным рукописям, было введение многоголосной церковной музыки в сербскую богослужебную практику в середине XIX века. Это сложное яв-

⁷ О поствизантийском пении в монастыре Хиландар см.: [6].

⁸ Фанариоты (греч. Φαναριώτες, рум. Fanarioti, тур. Fenerliler) — представители греческого духовенства и торгово-денежной аристократии в Османской империи в XVIII — начале XIX века.

⁹ Для этого начинания было предусмотрено привлечение румынского иеромонаха Макария, уже начавшего во Влахии печатание «церковного пения» согласно с обычаем Константинопольской церкви на власском языке. См.: [3].

¹⁰ Подробнее см.: [11].

¹¹ Подробнее см.: [5].

¹² Подробнее см.: [16–18].

¹³ В новую музыкально-поэтическую форму, свойственную стилю барокко, сербы тоже внесли свой вклад. В кантах, написанных вначале по русским образцам, а также на церковные и мирские мелодии разнообразного происхождения, со временем стали прославляться и сербские святые, а также герои и события из национальной истории. См.: [15].

ление вошло в программу национального возрождения и ознаменовало новый этап в развитии сербской церковной музыки, в которой, как бы парадоксально это ни звучало, были окончательно забыты многие национальные традиции. Правда, одноголосное пение никогда не прекращалось, поскольку многоголосие звучало только в соборных храмах и больших городах на Литургии по воскресным и праздничным дням. Тем не менее, новый музыкальный вкус, следовательно, и новые критерии, стали решающими в восприятии церковной музыки, а также и в церковном искусстве в целом.

Даже и большие противники хоровой многоголосной музыки, видевшие в ней чуждый православной традиции дух, справедливо отмечали упадок сербской одноголосной певческой практики. Они указывали на невежество певчих, неправильно произносивших молитвенные слова и искажавших утвержденные напевы, а также на необходимость записывать мелодии и их унификацию. Таким образом, и процесс обучения должен был стать не «допотопным», как говорил один писатель, «из уст в уста, из уха в ухо» [13, с. 352], а иным.

Несмотря на очевидное запущенное состояние пения на сербских клиросах, эта проблема не привлекала к себе внимание сербских архиереев на церковных соборах. О различных проблемах церковно-певческой практики не было ни каких-либо постановлений, ни рекомендаций сверху. Правда, некоторые епископы старались организовать в своих епархиях певческую практику в соответствии с личными художественными вкусами и представлениями о том, как на богослужении должно петь.

Одним из таких епископов был карловацкий митрополит, позже патриарх Иосиф Раячич (1785–1861)¹⁴, известный деятель в области культурно-образовательного развития сербского народа в Габсбургской империи. Он, по рекомендации влиятельного славянофила, священника при русском посольстве в Вене Михаила Раевского, пригласил первого сербского композитора Корнилия Станковича (1831–1865), обучавшегося в Вене, записать церковные мелодии линейной нотацией¹⁵. Корнилий Станкович в 1854 году, а возможно и в 1855, начал записывать ноты одноголосных напевов, а также стал их гармонизировать. Таким образом он хотел проявить свои навыки по владению гармонией и полифонией и в то же время внести свой вклад во все более популярную многоголосную музыку¹⁶. Однако его первоначальным мотивом для записи, как впрочем, и у патриарха Раячича, было желание унифицировать и сохранить

Корнилий Станкович

сербское церковное пение, поскольку певчие, не пользуясь нотной записью, искажали мелодии¹⁷. Оба они разделяли убеждение, что устная передача церковного пения у сербов, наконец-то, может быть заменена более надежным и профессиональным методом.

В течение своей короткой жизни, исполненной болезнями¹⁸, Корнилий написал 17 томов различных богослужебных гимнов¹⁹, более 1 500 страниц, включая также 1 438 различных гармонизаций для четырехголосного хора. Министерство образования дало обещание композитору, что его хотя и не в полной мере упорядоченный нотный материал будет быстро напечатан, и что он станет доступным как для опытных певчих, так и для тех, кто только начинает учиться пению. Однако Корнилий Станкович так и не дождался публикации своей работы. Кроме того, материалы большей частью до сих пор остаются в рукописном виде²⁰.

Будучи центром политической и церковной жизни, Сремски Карловцы одновременно были и центром образования сербских клириков, а также местом, в котором сформировалась новейшая сербская певческая традиция, известная как карловацкое пение. В частности, упомянутые учителя пения в Карловацкой семинарии, а затем и все выдающиеся певчие долгое время

¹⁴ О нем см.: [19, с. 165–166].

¹⁵ Вопрос о нотации, при помощи которой мелодии могли быть зафиксированы, даже не ставился. Более того, вопрос о древней «византийской псалмодии» стал своеобразным церковно-политическим вопросом. Подробнее см.: [12].

¹⁶ Известно, что в 1851 году на Пасху в греческой церкви в Вене смешанный хор исполнил первую Литургию Станковича. При посредничестве протоиерея Раевского эту Литургию хотели включить и в богослужения в русской церкви в Вене.

¹⁷ Подробнее об этом см.: [20].

¹⁸ Об этом см.: [4, с. 148–149].

¹⁹ Он записал Октоих, а также большое число гимнов для неподвижных и подвижных праздников.

²⁰ Рукописное наследие Корнилия Станковича хранится в Архиве Сербской академии наук и искусств, в отделе Исторического собрания № 7888.

считались основателями национального певческого искусства, которое необоснованно называют оригинальным, несмотря на его византийские корни. Карловацкое пение приобрело статус официального еще и благодаря тому, что Корнилий Станкович, первый сербский музыкант, получивший европейское образование, сделал первые нотные записи мелодий на основе пения карловацких певчих.

В последние десятилетия XIX века неоднократно создавались комиссии, которые получали задание проверить наследие Корнилия и установить, что необходимо исправить и дополнить в записях. У одного из членов такой комиссии, Николая Трифуновича, имелись личные причины, по которым он откладывал передачу нотного материала в типографию. Этот дьякон соборного храма в Белграде был сторонником использования крайне упрощенного мнемотехнического письма для записи церковных мелодий — так называемых «трил». Речь идет о нескольких символах, которые графически представляют мелодическое движение на некоторых слогах слов. Чтобы петь «трилы», певчий должен иметь опыт, накопленный в устной практике: он должен знать заранее, какие мелодические обороты в напеве определенного гласа осмогласия обозначаются этими символами.

Важно иметь в виду, что способ обучения пению подразумевает разделение мелодической строки на отрывки, которые воспринимались со слуха. Таким образом, запоминая по частям мелодию, певчие затем складывали их в музыкальный текст в целом. Эта форма обучения привела к схематизации мелодической структуры сербского осмогласия. Более того, установленная схема в чередовании мелодических образцов, которые следуют друг за другом, стала певческим идеалом, владение этой схемой было признаком мастерства. Если певчий знал, как строки между собой соединяются — он знал так называемое строение — формообразующий принцип, который давал ему возможность любой новый богослужебный текст петь в соответствии с определенной моделью. Такая певческая манера привела к тому, что богатый репертуар распевов в рамках восьми гласов всегда стал исполняться по принципу «самоподобный — подобный»²¹. Руководствуясь мелодическим образцом, а не молитвенным текстом, сербский певчий на самом деле «кроил» поэтическую строку в соответствии с установленной мелодией, а не наоборот, приспособив мелодию к поэтической строке.

Имея таким образом в памяти сохраненные характерные напевы, певчий использовал «трилы» как напоминание, а не как точное указание мелодии. Неизвестно, разработал ли упомянутый Николай Трифунович эти символы, которыми записал напевы осмогласия, а также и песнопения для больших праздников. Известно только, что он нотировал ими несколько изданий, которыми долгое время пользовались учащиеся в семинариях в Белграде и Призрене²². Несмотря на очевидные неточности этих мелизмов, узаконивших самопроизвольность в пении, несмотря на предписанные уроки «нотного пения» в семинариях, подразумевающие овладение западноевропейской нотацией и музыкальной теорией, которое должно было сделать учеников способными петь в хоре²³, наконец, несмотря на существование нотных записей Корнилия Станковича, хранившихся «в столе» в ожидании публикации, решение создать более точную систему записи церковного пения еще долго будет откладываться.

Необходимость нотировать самые употребительные церковные распевы линейной системой осознавали все большее число музыкально грамотных семинаристов и некоторые преподаватели пения²⁴. В последние десятилетия XIX века они записывали мелодии, которые пели сами, или переписывали уже существующие нотные записи, а некоторым из них удалось литографировать собранный нотный материал и представить в ограниченном тираже²⁵. Кроме епископа Феодосия Мравича (1815–1891), который на личные средства в 1885 году основал фонд по попечению о церковном пении и неоднократно выступал за то, чтобы печатались нотные учебники, остальные сербские иерархи по-прежнему были небрежительны к решению накопленных проблем в певческой традиции²⁶.

Из Карловацкой семинарии вышли и многие другие известные сербские мелурги, оставившие в рукописных сборниках, а также в литографических и печатных изданиях мелодии, которые они исполняли. Самым известным и по количеству записей самым плодовитым мелургом был Стефан Мокраняц, известный сербский композитор. Он, как и Корнилий Станкович, наряду с записью мелодий европейской нотацией, оставил после себя и собственные церковные композиции, основанные на мелодиях так называемого сербского народного пения.

Будучи преподавателем семинарии святого Саввы в Белграде, Мокраняц имел дополнительную мотивацию

²¹ О способе изучения церковного пения в новейшей сербской традиции см.: [7–9]

²² *Октоих* Трифуновича имел даже пять переизданий (1875, 1880, 1885, 1892, 1901), а *Праздничное пение* — три (1877, 1880, 1892). О закулисных действиях в связи с изданием сборника с «трилами» и об откладывании печатания наследия Корнилия Станковича см.: [4, с. 154–167].

²³ О «нотном пении» в сербских семинариях, введенном в восьмидесятые годы XIX века, см.: [8].

²⁴ Об этом подробнее см.: [14].

²⁵ Удивляет тот факт, что в докладах об обучении церковному пению в разных сербских семинариях никак не упоминаются ни существующие литографированные, ни печатные выпуски нотных сборников, как будто и учителям они были полностью неизвестны. О них не упоминает даже Стефан Мокраняц, работавший преподавателем в Белградской семинарии и осуществивший самое большое количество нотных записей церковного пения.

²⁶ Правда, архиерейский собор в 1886 году, по предложению епископа Феодосия, принял решение о предоставлении денежного пособия для печатания одногласных записей песнопений из *Октоиха* автора Миты Топаловича, но и данное предложение осталось неосуществленным. См.: [4, с. 165].

Стефан Мокраняц

для официального утверждения своих записей. Таким образом, начиная с этого времени и до настоящих дней в основе образования учащихся сербских семинарий лежит Осмогласник — Октоих, который не без трудностей был утвержден Синодом сербской церкви как официальный учебник в 1908 году.

Между тем, ни этот, ни другие последующие нотные сборники церковной музыки не способствовали значительному прогрессу в плане музыкального образования сербских певчих. Большинство семинаристов знакомо с доступными печатными и аудио изданиями, но до сих пор недостаточно знает или вообще не знает нот. Они все еще учатся по слуху и на практике поют, полагаясь главным образом на свою собственную музыкальную память. Лишь иногда, время от времени, они смотрят на нотную запись, замечая, в первую очередь, восходящую или нисходящую мелодическую линию и общие элементы нотированного текста²⁷.

Однако певческое искусство в сербских семинариях и после появления нотированных сборников, так же как и в те времена, когда они отсутство-

вали, передавалось «допотопным способом», о чем в начале XX века оставил свидетельство один белградский дьякон. Учитель пения должен был много раз пропеть определенную мелодию, чтобы ученики, повторяя за ним, могли ее запомнить. Пение мелодических образцов с чередованием строк в определенном порядке и их приспособление к новым текстам через некоторое время стало называться «кроением». Со временем этот термин стал среди сербских певчих синонимом искусства пения. Мастером считался тот, кто знал и мог распевать новые тексты с учетом знаков препинания по известным мелодическим образцам. К сожалению, при этом было не важно, знает ли певчий другие особенности гласов или системы осмогласия в целом, звуковысотные параметры, главные тоны, структуру мелодии, ритмические особенности напева и так далее. Однако такое упрощенное певческое мастерство, в котором мелодия главенствовала над текстом молитвы, с течением времени получила статус сербской певческой традиции.

Наряду с репертуаром авторских композиций уже упомянутого Корнилия Станковича и прежде всего Стефана Мокранца, сочинения которого в церковных жанрах чаще всего исполняются за Литургией, в сербской церкви звучат и другие сочинения сербских и еще чаще русских композиторов.

В конце прошлого века, а особенно в течение 90-х годов, среди преимущественно молодых сербских верующих вновь утвердилась одноголосная певческая традиция, которая на Балканах — в Греции, Румынии и в Болгарии — никогда не прерывалась и которая не совсем точно, но с точки зрения церковного предания вполне определенно называется византийской традицией. Изучение невменной письменности и музыкальной теории, которую в начале XIX века утвердили три константинопольских учителя — Хрисанф, архимандрит, а позднее епископ Драча, Григорий, Протопсалт Великой церкви в Константинополе, и Хурмузий, архиварий при Великой церкви в Константинополе, — вызвано обновленным интересом к традиционным формам литургического устройства. В те бурные исторические времена эти традиционные формы богослужебного пения не осознавались адекватно как теми, кто в них не был заинтересован, так и носителями этой традиции. За прошедшие десятилетия на обычных богослужениях в сербских церквях, а также при монастырях много клиросов продолжало практиковать византийское пение по болгарским или греческим сборникам, что хранителями так называемого сербского народного церковного пения воспринималось как предательство и обращение к болгарской и греческой музыкальной традиции. Эта проблема оставалась даже тогда, когда в качестве справочной невменной литературы использовались хиландарские рукописи, чьими составителями были сербы, например, плодотворный каллиграф и мелод Викентий Хиландарац родом из Ниша.

Но если не брать во внимание эстетическую и психологическую оценку благолепия церковного пения и если к сербскому и, условно говоря, византийскому пению применить му-

²⁷ В положении о работе семинарий, принятом в 1960 году, в качестве основного учебника предписан *Октоих* Мокранца. Однако показательным и противоречивым является указание на то, что совокупное церковное пение, за исключением великого, следует изучать без нот. О состоянии в современной певческой практике в Сербской церкви см.: [10].

зыкально-аналитический метод, тогда совершенно точно можно заключить, что православная одноголосная певческая традиция до сих пор едина. Между ними больше сходств, чем различий, которые являются в основном последствиями двух взаимоудаленных способов нотирования мелодий — европейской пятилинейной нотации и невменной, а также способу усвоения мелодий, о чем говорит уже сделанный к настоящему времени анализ новейшей певческой традиции на Балканах.

О том, что в единой православной Церкви, к которой мы все относимся, независимо от того, в какой стране мы живем, веками сохранялось музыкальное предание как часть церковного предания, свидетельствует певческая традиция в сербском монастыре Жича и других, преимущественно женских монастырях, в которых

заботятся о певческом благолепии. Это пение говорит нам о том, что в области церковного искусства для оценки какого-либо явления не столь важным оказывается его продолжительность в исторической перспективе. Не все, что в течение истории многовекового церковного пения появлялось и существовало или до сих пор существует, входит в предание. Слушая на каждом литургическом собрании «новую песнь», мы в состоянии, опираясь на определенные критерии, понять, что относится к священному преданию, что получило эпитет традиционного, и тем самым определить те певческие варианты, которые будут наиболее точно соответствовать богослужению.

Перевод с сербского и подготовка к публикации
Н. В. Мосягиной

Литература

1. *Витковић Г.* Извештај Максима Ратковића, ексарха београдског митрополита (1733) // Гласник Српског научног друштва, књ. LVI, Београд: Штампарија Краљевине Србије, 1884. С. 135–294.
2. *Мошин В.* Рукописи Пећке патријаршије // Старине Косова и Метохије IV–V. Приштина: Покрајински завод за заштиту споменика културе, 1968–1971. С. 5–131.
3. *Moisescu T.* Byzantine Prolegomena. Byzantine Music in Manuscripts and old Romanian Books. Bucureşti: Editura Muzicală, 1985. P. 119–120.
4. *Павловић М.* Заоставштина Корнелија Станковића // Корнелије Станковић и његово доба / Науч. ред. Д. Стефановић. Српска академија наука и уметности, Музиколошки институт САНУ. Научни скупови. Књ. XXIV. Одељење ликовне и музичке уметности. Књ. 1. Београд, 1985. С. 147–169.
5. *Пено В.* О пореклу новијег српског црквеног појања // Мокрањец. Књ. 2. Неготин: Мокрањчеви дани, 2000. С. 36–48.
6. *Пено В.* Из Хиландарске појачке ризнице. Викентије Хиландарац. Нови Сад: Арт Принт, 2003. 236 с.
7. *Peno V.* Tailoring of Texts Rather Than Melodies in the Serbian 19th and 20th Century Church Chanting // Music and Networking, The Seventh International Conference / Ed. T. Marković and V. Mikić. Belgrade: Department of Musicology and Ethnomusicology, Faculty of Music, University of Arts, 2005. P. 211–220.
8. *Пено В.* Црквено појање са правилом у српским богословским школама // Историја и мистерија музике. У част Роксанде Пејовић: 36. радова / Науч. ред. И. Перковић-Радак, Д. Стојановић-Новичић, Д. Лајић-Михајловић. Београд: Факултет музичке уметности, 2006. С. 199–211.
9. *Peno V.* How Have Serbian Chanters Learned to Chant in Recent History // Papers Read at the 12th Study Group — Cantus Planus, Lillafüred / Hungary, 2004, August 23–28 / Ed. L. Dobszy. Budapest: Institute for Musicology of the Hungarian Academy of Sciences, 2006. P. 893–906.
10. *Peno V.* Methodological contribution to the research of Serbian church chant in the context of Balkan vocal music // Musical Practices in the Balkans: Ethnomusicological Perspectives, Proceedings of the International conference held from November 23 to 25, 2011 / Ed. D. Despić, J. Jovanović, D. Lajić-Mihajlović. Belgrade: SASA: Institute of Musicology of SASA, 2012. P. 167–181.
11. *Πένο Β.* Η νεώτερη σερβική εκκλησιαστική ψαλμωδία πότοφως της υστεροβυζαντινής ψαλτικής παραδόσεως. Πολιφωνία 21, 2012. Σ. 155–171.
12. *Пено В.* О вишегласју у богослужбеној пракси православних Грка и Срба: теолошко културолошки дискурс // Музикологија 17. Београд: Музиколошки институт САНУ. Београд, 2014. С. 129–154.
13. *Петровић М.* Наше црквено певање // Весник српске православне цркве. 1897. № VIII/4. С. 349–356; 1898. № IV/1. С. 1054–1056; 1899. № X/4. С. 322–328.
14. *Петровић Д.* Српско народно црквено појање и његови записивачи // Српска музика кроз векове. Галерија САНУ. Књ. 22. Београд, 1973. С. 251–274.
15. *Петровић Д.* Нотни записи песама у част св. Лазара // Раваница 1381–1981 — Споменица о шестој стогодишњици. Београд: Манастир Раваница, 1981. С. 205–214.
16. *Petrović D.* Russian Music Manuscript in the Belgrade Patriarchal Library // Musica Antiqua Europae Orientalis VII. Bydgoszcz: Filharmonia Pomorska, 1985. P. 273–285.
17. *Петровић Д.* Српска музика и руско-српске културне везе у 18. Веку // Југословенске земље и Русије у XVIII веку, Научни скупови САНУ. Књ. 32, Одељење историјских наука. Књ. 8. Београд, 1986. С. 303–319.
18. *Петровић Д.* Византија и западноевропски барок у православној руској и српској црквеној музици 17 и 18 века // Зборник Матице српске за сценске уметности и музику. 10–11. Нови Сад: Матица српска, 1992. С. 17–23.
19. *Слијепчевић Ђ.* Историја Српске православне цркве: Књ. 2. Београдско издавачко-графички завод, Београд, 1991. 673 с.
20. *Станковић К.* Српско народно црквено појање. Београд: Српска академије наука и уметности, 1994. 150 с.
21. *Шакота М.* Инвентар рукописних књига Дечанске библиотеке // Саопштења Завода за заштиту и научно проучавање споменика културе Народне републике Србије. Књ. I. Београд, 1956. С. 198–211.